

Неточная копия

Елена Клещенко

*Рассказ не содержит намеков
на реальные лица или события.
Все совпадения случайны.*

ФАНТАСТИКА

Объездное шоссе плавно бежало по полям и лесочкам, карабкалось в горку и весело катилось вниз. Стас всегда тут ездил, когда возвращался с родительской дачи прямо на работу. Трасса в понедельник утром — одна большая пробка. Сорок–пятьдесят минут простоишь, и выйдет по времени те же полтора часа, а по сожженному бензину все три. Гораздо лучше начать трудовую неделю с созерцания родных просторов.

С горки открылся очередной вид: мостик через речку, заросшую тростником, за речкой лес, и у леса на обочине — тоненькая девичья фигурка с поднятой рукой, а рядом огромный рюкзак.

Знаем мы эти маленькие хитрости, сказал себе Стас. Всё продумано: добрый водитель останавливается, нежный головок просит подбросить, водитель соглашается, барышня машет ручкой, из-за ближайшего куста вылезает ее кавалер куда менее трогательного телосложения, а то и два кавалера. Так мы и поверили, что эта прелестная автостопщица в одиночку таскает рюкзаки больше нее самой... Он ворчал про себя, но уже включал правый поворотник и сбавлял скорость. Не так он был воспитан, чтобы проезжать в пустой машине мимо голосующей дамы.

- Извините, вы в Москву?
- В Москву.
- Подбросьте меня, пожалуйста.
- Садитесь. Рюкзак в багажник положим.
- Спасибо большое.

Из кустов никто не вылез. Стас открыл багажник, сдвинул в сторону барахло. Девушка подняла рюкзак за лямки и аккуратно водворила его на указанное место. Молодчина, подумал Стас. Если там у нее палатка, то выходит, первое впечатление и вправду обманчиво. Ни к чему ей какие-то кавалеры.

- Станислав.
- Очень приятно. Юлия.

Именно Юлия, а не Юля? Да еще так сурово, будто ее имя ей самой страшно не нравится.

- Путешествуете?
- Немножко. По Подмоскovie.
- А так чем занимаетесь? Учитесь?
- Поступаю. Работаю лаборантом. А вы, Станислав?
- Химик. Науку двигаю то есть.
- Ага.

На этом разговор остановился. И хорошо: Стаса вполне устраивала поездка в молчании. Девушка угрюмо глядела перед собой, и даже не на дорогу, а куда-то на сигаретную пачку, лежащую у лобового стекла.

- Курите?
- А? Нет, спасибо.

Дождь продолжал накрапывать. Странноватая девица. А что, собственно, странного? Одета почти по-городскому, в светлую ветровку и джинсы, никакого нейлона флуоресцентных цветов, в который любят наряжаться профессиональные стопщики. Но если подумать, это как раз нормально. Круглое личико — вроде бы и красивое, но мрачное какое-то, что ли. И черная коса. Нынешние

молодые девчонки не так уж редко носят косы, и брюнетки в наших широтах — давно не диво, а все же эта чернота останавливает внимание. Волосы густые, почти без блеска, вьются крупной волной. А носик тонкий и короткий, абсолютно европейский. Ну и что? И все-таки — странноватая девица...

Впереди возник уныло тарахтящий трактор с прицепом, похожим на гигантскую газонокосилку. «Сейчас обойдем», — сказал Стас, прибавляя скорость и выезжая на встречную полосу. Краем глаза увидел, что Юлия повернула к нему голову, и собрался пошутить — мол, машина-зверь, трактор обгоняет, запросто... но вместо этого, забыв о тракторе, съехал на обочину. Не то чтобы руки затряслись, но не мог он одновременно вести машину и рассматривать ее!

- Что такое?
- Нет-нет, ничего, все в порядке, — ошеломленно сказал Стас. — Предупреждать вообще-то надо... То есть извините... Скажите, Юля, вам никто не говорил, что вы похожи на одну знаменитую писательницу?
- Правда? И на какую?
- На Мэй Стоун.

Похожа — слабо сказано. Он отлично помнил фото писательницы, ее лицо, даже к старости не утратившее некоего ведьминского шарма: округлые скулы, тонкие, не нашего очерка губы и тяжелый, почти мужской взгляд. Все это было известно в определенных читательских кругах не хуже, чем горбатые носы братьев Стругацких или бакенбарды Айзека Азимова.

Так вот, не то что похожа, а просто-напросто то же самое лицо, что на старом черно-белом фото, и тот же ракурс: глядит чуть в сторону и вниз, в атлантические волны, надо полагать. Юная Мэй Пинетти из Далласа, штат Техас, направляется в Европу на теплоходе, потомке «Титаника», чтобы поступить в английский женский колледж. По крайней мере, так она сказала родителям, но мы-то знали еще задолго до первых прорех в железном занавесе, что ни в какой колледж юная Мэй тогда и не пыталась поступать, а вышла замуж за Джона Стоуна (кто бы он ни был) и стала писать научную фантастику. Мэй Стоун, которую иные российские фэны с примитивным юмором называют Майский Камушек, буквально переводя имя с английского (зато «бабушкой фантастики», как, например, Андре Нортон, ее никто не назовет — не идет к ней «бабушка»); она же Кэй Стоун, она же Марк Пинетти — женщин-фантастов в те времена публиковали неохотно... Только Мэй косы не носила, на всех фото она с кудряшками — но кудряшки, однако, такие же черные, то есть на ранних фотографиях черные, а на поздних, времен премии Небьюла, уже с проседью...

- Десять баллов, — с мрачным удовлетворением заявила Юлия. — Угадали. Хотя не так похожа, как могла бы.
- Вы ее родственница?
- Я ее клон.
- В смысле?
- В прямом. Как овечка Долли. Только не шотландской овцы, а Мэй Стоун.

Если это шутка, то несмешная, подумал Стас. А ведь нет, не шутка. Подсадил, называется, попутчицу! И не выкинешь

ее под дождь с таким-то рюкзаком... И что теперь делать? Жалко ее, надо хотя бы выяснить, насколько она, так сказать, сдвинутая — а то пропадет в Москве, если начнет рассказывать всем встречным, что она вроде овечки Долли.

— Станислав, держите ваши мысли при себе.

— Я ничего не сказал.

— У вас на лице все написано. Между прочим, это не я к вам лезла с Мэй Стоун, а вы ко мне. Надо было соврать, что родственница, троюродная там внучка или племянница. Хотя я однажды так соврала. Лучше бы промолчала.

— Почему?

— А тип оказался российским агентом Камушкиных наследников. Сразу весь встрепенулся и начал ко мне приставать: имею ли я претензии на долю в наследстве. Я его успокоила, что я, мол, незаконная и с американскими родичами ничего делить не желаю. Но потом все равно боялась одна ходить. Стукнут по кумполу, и привет... А вы-то, Станислав, не имеете отношения к книжному бизнесу? В лицо Мэй знаете, и вообще...

— Нет, не волнуйтесь, я просто фэн. То есть даже не фэн, а так... Любил ее книги в детстве, да и сейчас люблю.

— Фэны тоже бывают разные, — буркнула Юлия. — Извините.

— Ничего. — Стас помолчал и затем осторожно сказал: — Вообще-то мне казалось, что овечка Долли была совсем недавно. Разве такие операции делали столько лет назад? Я хочу сказать...

— Овечка Долли была недавно, — подтвердила Юлия, — а операции делали. Не под контролем Департамента здоровья, конечно, а в частной лавочке. Вы, наверное, слышали, что ничего нового шотландцы не придумали, только мелочи доработали. А на мышах, на лягушках это пробовали еще когда!.. Но такие эксперименты на людях государство не одобряло. Хотя и не запрещало, так что фирмачи делали. Их спонсировала какая-то безумная религия. Ну и с клиентов, конечно, деньги брали.

— И что, Мэй Стоун... — Стас уже не знал, верить или не верить. Действительно, про лягушек-альбиносов из икринки бурой лягушки им биологичка еще в школе рассказывала. И газеты писали что-то такое про индустрию суррогатных матерей на Западе. И про религиозную организацию, финансирующую эксперименты на людях, тоже писали, и про детей от знаменитостей за большие деньги.

— Ну да. Она вообще, как я поняла по маминым рассказам, была дама с большим приветом. Вы извините, Станислав, если что не так... В общем, своих детей у нее не было, вот ей и захотелось, чтобы ее гены остались в генофонде планеты. Не дочек или внуков захотелось, а просто чтобы жили на свете такие девочки. А моя мама еще раньше оказалась в Америке и не смогла вернуться. Так получилось. Она подписала какое-то там письмо, то ли за Тарковского, то ли за Сахарова, и ей в посольстве добрые люди наемкнули.

— Ага, — сказал Стас. Он и раньше замечал, что нынешние сопляки ни черта не знают о героических деяниях отцов и дедов-диссидентов, будь это даже их собственные предки.

— Вот. А тогда денег у мамы не было, совсем. А тут объявление в газете, что, мол, приглашаются женщины до тридцати лет, образование и знание языка значения не имеют. Мама пошла, анализы сдала. Ее отобрали вместе с другими, мама говорила, желающих была целая очередь, а осталось всего человек двадцать. А Мэй очень умилилась, что мама русская. У нее же, у Мэй, под конец жизни всякие коммунистические заморочки были, вы знаете? Так она лично пожелала, чтобы именно с мамой все прошло удачно и чтобы она когда-нибудь вернулась в Россию.

— Они с Мэй общались?

— А почему бы и нет? Эта фирма все оформила юридически. В принципе, конечно, это было не против закона. Но знаете,

врачебная тайна, этика и все такое... Составили договоры, у мамы экземпляр где-то до сих пор хранится. Мэй подписалась, что не будет публично рассказывать об операции и отбирать девочек у матерей, а все женщины — что не будут претендовать на ее материальную помощь или на долю наследства. Кстати, мама чего-то из ее книжек читала еще раньше, до отъезда. («Легионеров», больше нечего было, машинально подумал Стас.) Она прикинула и решила, что все складывается очень здорово. Дочку она всегда хотела, а что без отца — не беда. Денег ведь заплатили немерено, и на домик хватало, и на жизнь. И была вроде как гарантия, что я не дурой вырасту, раз от самой Мэй Стоун. Короче, все процедуры сделали... Нет, я на маму никогда не обижалась. У нее выбора не было. А когда в Союзе началась перестройка, мама продала дом, купила квартиру в Москве, и мы вернулись. Мне был годик. А когда мне стало четыре, Мэй Стоун умерла у себя в Далласе. Мама потом мне рассказала, что она хоть и грех, а вздохнула с облегчением, когда прочла заметку об этом.

Ту самую заметку в «Комсомолке», с фотографией Мэй Стоун, Стас помнил прекрасно. Нам было тогда столько же, сколько сейчас Юлии, сообразил он. А ей, значит, было четыре года. То есть не ей, а *им*.

— Скажите, Юля, а другие девочки? Что с ними?

— Не знаю. Мама после операции не встречалась с другими женщинами и даже фамилий их не знала, только имена некоторых. Эта операция, им говорили, не всегда удается. Точнее, очень редко. Может, других и нет, маме одной повезло... Ха! Это мы только потом поняли, как нам повезло. Мама ведь не представляла, как у нас любят фантастику, — в смысле, не знала, как сильно любят. Она сама не очень увлекалась. А может, раньше и не так любили... В общем, класса с девятого мне жизни не стало. Узнают. Вот такие умные, как вы, Станислав.

— Извините.

— Да не за что.

— А часто узнают?

— Нет, к счастью. Зато когда узнают, то сразу проблемы. Ведь если человек знает, как выглядит Мэй Стоун...

— То он ее агент.

— Не обязательно ее. Один, который меня вычислил, нас с мамой просто достал. Звонит, приходит, меня на курсах подкарауливает.

— А чего он хочет?

— Купить у меня любые мои рукописи — по цене, которую я сама назначу! Ничего себе, да? — весело хмыкнула Юлия. — Хоть детские стихи, хоть школьные сочинения, хоть письма подружкам. Мы сначала пытались как-то отвертеться, но он как-то выяснил про маму — откуда у нее деньги тогда взялись. Мы ему говорим, что у нас нет прав на имя Мэй Стоун, а он — «это моя забота». Мама ему — я расписку давала, а он ей — «но вы же не обещали, что запретите дочери заниматься литературным трудом!» Гад какой-то скользкий. Вам же, говорит, хочу помочь, мне же потом спасибо скажете.

— Да-а!.. — только и проговорил Стас. Он всю жизнь прожил в Москве и хорошо знал, что обычно означает фраза «вам же хочу помочь». — Юлия, а вы не пишете? — спросил потом.

— Нет. — Она мотнула головой так, что коса свалилась с плеча за спину. — Нет, Станислав, мне все это неинтересно. Пошли они все к черту, мне поровну, за кого они меня считают. Я на мехмат буду поступать.

Стас почувствовал холодный сквознячок на затылке. В своих интервью Мэй всегда поминала математику как несбывшуюся любовь: «То, что литератор зовет бесконечностью, для математика имеет предел, но то, что математик зовет бесконечностью, литератор не в силах вообразить».

Мокрый лесок расступился, впереди возникли шестнадцатизатяжки спального района. Стас перестроился в средний ряд,

осторожно косясь на Юлию. Жалко, что не рассмотрел ее как следует там, на шоссе. Кажется, прообраз-то был пошире и в плечах, и в талии. Но это ведь не только от генов зависит, а от другого: от харчей, от моды на женскую красоту — джинсы вместо платьев с оборками. И косу эту она, конечно, специально отрастила, чтобы меньше быть похожей.

А толку-то? Знает ли эта девчонка, что, собираясь на мехмат, она все равно повторяет свой прообраз? Нормальная юная москвичка, младенчество пришлось на перестройку, детство — на экономический кризис, и в то же время никуда не деться — это она. Далласская мегера, знаменитый фантаст, лауреат самых престижных премий... а когда-то Мэй Пинетти, молчаливая черноволосая девочка с большими математическими способностями. Итальянка наполовину, по отцу. Та. А эта? У этой отца не было, зато были две матери: прагматичная диссидентка, которую она так искренне зовет мамой, и знаменитая писательница. Чертовня какая-то!

Юлия-Мэй поймала его взгляд.

— Где вас посадить? — спросил он.

— А вы куда?

Он ответил, что в университет.

— И мне туда же. В главное здание.

Стас подрулил прямо к ступенькам центрального входа и затормозил у бордюра. Светского прощания, однако, не получилось. Юлия потянула на себя ручку, но тут же прикрыла дверь. Глянула на Стаса, как-то потупилась, обернулась к окну, потом снова к нему.

— Что-то не так?

— Станислав, извините, мне очень неудобно... Можно, я с вами доеду до химфака?

— Так вам на химфак?

— Нет, просто... там один тип. Вон, стоит на цоколе под девушкой.

Стас вытянул шею. У ног бронзовой девушки с книгой действительно стоял парень в сером свитере и модных мешковатых штанах.

— Ага. И что за тип? Маньяк-убийца?

— Ох, если бы! Это Камушкин фэн!

— Вон как даже!

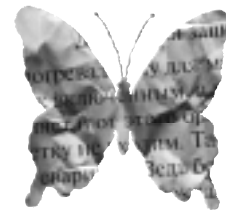
— Полный фэн, то есть вообще безбашенный! Мы с ним встретились на олимпиаде по математике, вот здесь же, а он теперь тут учится на первом курсе. И теперь за мной все время ходит, пристает: чем на самом деле кончились «Легионеры Юпитера»? Эрвин этот погиб или нет? Я знаю, говорит, кто ты, и поэтому что тебе стоит, ты же не можешь не знать! Одно только слово!.. Станислав, пожалуйста! Я его боюсь!

— Ну хорошо, ладно, не волнуй... тесь. — Стас едва не перешел на «ты»: уж очень внезапно ее суровую умудренность уникальным жизненным опытом сменила трогательная просьба о помощи. — Так он что, не понимает, что вы... э, другой человек?

— Он псих, — пояснила Юлия. — У него крыша съехала на этих «Легионерах».

— Серьезно говоря, книга действительно сильная.

Стасу почему-то захотелось заступиться за психа в сером свитере. У него самого когда-то крыша съезжала на «Легионерах». И они с другом Андрюхой до хрипоты спорили, погиб Эрвин или долетел, — им обоим хотелось, чтоб долетел, но придумать хорошее физическое обоснование никак не получалось... Старую Мэй об этом спрашивали чуть ли не в каждом интервью, но она так и не раскололась: предлагала подумать самим. Вспомнив все это, Стас с трудом преодолел искушение задать сей идиотский вопрос своей пассажирке. Ибо псих-то прав: ведь она — это же молодая Мэй Стоун! Она ее генетическая копия — у нее мозги по необходимости дол-

ФАНТАСТИКА

жны работать так же. Достаточно вникнуть в ситуацию, описанную в романе, и она догадается. Так?

Да нет, чушь собачья. Она — другой человек. Она выросла в иной культуре, не читала Уитмена и Китса, и неизвестно, читала ли Пушкина. Она не любит фантастику. Она, в конце концов, лет на пять моложе, чем была Мэй, когда писала «Легионеров». Поэтому — молчи, дурак, не пугай девочку!

— Лучше бы она была послабее, эта книга, — помолчал, ответила Юлия. — Он мне надоел, — добавила, имея в виду психа.

— А вы бы сказали ему, что Эрвин не погиб, — с улыбкой предложил Стас, снова обидевшись за фэна.

— Можно, но неизвестно, какие у него дальше возникнут вопросы. Раз ответишь, потом не отвяжешься. Вдруг захочет, чтобы я продолжение писала. С ножом у горла. — Она произнесла это отрешенно, без злости и без юмора, так, как вообще-то не должны говорить столь юные создания.

Они уже повернули к химфаку, и Стас теперь разглядел, что глаза у нее не карие и не серые, а влажно-зеленые — как светлые камушки в холодной морской воде. А у той какие были глаза? Вроде тоже светлые, на фото не разобрать.

— Куда же вы теперь с таким багажом? — спросил он, когда вытаскивал ее рюкзак.

— В общагу. — Она кивнула на главное здание. — Там подруга живет, палатка на самом деле ее. Пройду через зону В.

— Так подруга, может, еще спит?

— Ну, сразу не пойду, подожду полчаса. Посажу где-нибудь в кофейне.

— Кофейни закрыты. Пойдемте, Юля, ко мне в гости, в лабораторию. — Он встретил ее холодный взгляд и улыбнулся: — Про «Легионеров» спрашивать не буду: я, может, и фэн, но не безбашенный. Просто составьте мне компанию, попьем кофе вместе. А то мне неудобно, если вы так уйдете.

Она ответила просто:

— Ладно, спасибо.

В лаборатории, конечно, никого еще не было. Стас снял с полки чайную колбу, залил ее до половины — на двоих — и зажег горелку.

— А можно, я позвоню от вас? — спросила Юлия.

— Да, конечно. Вон телефон.

Он зашел за шкаф и, пока искал сладкие галеты и обломки шоколадки, слышал ее голос.

— Але, мам, это я. Доехала. Я в университете. Все нормально. Не, честно, все хорошо. Еще не заходила, сейчас зайду. Ладно. Постараюсь. Ну целую! — и повесила трубку.

— Через пару минут закипит, — сказал Стас. — Чай, кофе?

— Чай, если можно.

Он удивился: чтобы учащаяся юная барышня ранним утром захотела чаю, а не кофе? Или уже язву заработала?.. Ну да ладно — пусть будет чай. Всыпал заварку, накрыл горлышко куском фольги и укутал колбу полотенцем. Повисла пауза.

— Мама о вас беспокоится? — нарушил молчание. Хотя, отметил, не самая удачная реплика, конечно.

— Мама? Да... — рассеянно ответила она и вдруг добавила: — Мама прочитала где-то, что клоны, ну... что такие организмы стареют быстрее. Если клетка взята у старого донора, якобы там что-то происходит с хромосомами. И к моему возрасту надо присчитывать возраст ее, Мэй. Не прямо, а с каким-то коэффициентом, но все равно...

— Юля, я бы на месте вашей мамы не придавал значения всяким спекуляциям, — произнес Стас нарочито спокойно. — Мало ли что пишут! Я не думаю, чтобы это было точно известно. Откуда?

— Ну да, — так же спокойно сказала Юля. — Я и не верю. Ну как это может быть — ДНК же не изменяется?

— Я тоже так считаю.

Так ли? На самом деле Стас слышал о том, что происходит с ДНК у старых организмов, слышал от приятелей биологов, но сейчас ему было спокойнее думать, что ДНК не изменяется... Теперь он понял, что делало сходство таким полным: грусть и отчужденность. Вот что таилось и улыбке американки Мэй, и в усмешке москвички Юлии. Одиночество. Полвека назад: отчужденность молодой женщины, которая полезла в мужской бизнес, — ото всех здравомыслящих граждан, от ученой семьи; и сегодня: отчужденность курьеза, выродка — одиночество человека, которого принимают за кого-то другого. А тут еще это. Да, сейчас он вспомнил: Мэй умерла от скоротечного рака, а предрасположенность к нему вроде бы передается по наследству. Вспомнил, но оставил эту информацию при себе.

Потому и продолжил с уверенностью, на какую был способен:

— Да, ДНК не изменяется с возрастом. По крайней мере, меня так учили. Я, правда, химик, а не биолог, но, полагаю, сейчас и химики про ДНК знают достаточно.

— А чем вы занимаетесь, Стас?

— Ну, чем?.. — Он обрадовался, что она заговорила о другом, и напрягся: как объяснить все их заморочки вчерашней школьнице? Но начал рассказывать. Юля кивала. Слушала и кивала. Спыхватившись, он наконец разлил чай по стаканам. Пар стремительно заструился вверх — в комнате было холодно. Девочка набрала чай в ложку и стала капать из нее в стакан, стараясь попасть точно в середину. Круги разбежались и сходились, отражаясь от стенок, пульсировали. Юля, кажется, целиком ушла в это медитативное занятие, и Стас догадался, что она не очень-то его слушает.

— Заболтал вас, да? — усмехнулся.

— А вы не пробовали производную брать?

— От чего? — не понял он.

— Я хотела сказать: вы не пробовали продифференцировать вашу функцию? Ну, эту, про которую вы сейчас говорили?

Она держала ложку в левой руке. Все правильно: злые языки болтали о Мэй, что она только прикидывается левшой, подражая Леонардо да Винчи. Э, нет, невозможно так прикидываться! Тонкие гибкие пальчики Юлии вертят ложку быстро, изящно и, главное, явно бессознательно!

— Нет, еще не пробовали, — ответил он. — Мы вообще только что ее получили. А я сам в математике не очень разбираюсь, я экспериментатор. Но — попробуем, спасибо за идею. — Он улынулся.

— Пожалуйста, — ответила она вполне серьезно.

В общем, попили чаю, потолковали о проблемах поступления в университет, о конкурсе на мехмат, о льготах для медалистов и победителей олимпиад — справедливы они или нет. Юля улыбалась, аккуратно отламывала дольки шоколада. Наконец встали, обменялись прощальными вежливостями. Стас помог ей надеть рюкзак и прикрыл за ней дверь. Провожать к выходу из лаборатории было бы уже перебором.

А может, еще увидимся, думал Стас, ополаскивая стаканы. Москва велика, но кампус мал. Зря я ей не рассказал, что в

случае неудачи надо непременно апеллировать, не отказываться из ложной гордости.

Что за черт, приятель, влюбился ты, что ли? Да нет, ерунда. Просто славная девочка. А в самом деле — романтическая история. Нет, скорее дурацкая, чем романтическая. Чего только на свете нынче не бывает. Вот на этом и порешим. Чайку попили, пора за дело.

Он должен был сегодня набирать статью. Включил компьютер, взял распечатки с графиками. Насчет математики — это чистая правда: еще студентом Стас сдал матанализ и физику и забыл их как страшный сон. Ну, мог бы вспомнить, если бы приспичило, но шеф его ценил не за это. Математика была епархией друга Андрея, а Стас продумывал и ставил эксперименты, паял платы, тянул капилляры, готовил реакционные смеси, и делал все это не просто хорошо, а очень хорошо, и тем был доволен. Но теперь он поглядел на формулу скорости реакции. Не так уж она им важна, эта формула, и написали-то они ее просто так — чтоб было. И чего девчонка к ней прицепилась?.. Почему-то он вспомнил, как расходятся и сходятся, пульсируя, круги в стакане. Юлины круги... Написал на полях «dV», почесал карандашом затылок и полез в шкаф за справочником.

— Ч то тебе сказать, Стас? — протянул шеф, разглядывая график, вычерченный красной ручкой прямо в распечатке, и обведенные кружками точки. — Тут есть над чем подумать. Но помни, что инициатива наказуема: вторую статью писать тебе, если что выгорит. Вольно ж было прибедняться: мол, математики мы не знаем, сами не местные!

— Вообще-то это не я придумал, — сказал Стас, изо всех сил стараясь не показать своего счастья. — Одна знакомая посоветовала.

— Знакомая, говоришь? — Шеф поднял брови и озорно улыбнулся. — Ты с ней дружи, с такой знакомой. Интересная должна быть девчушка!

— Оригинальная дева! — подытожил Вадим. — Ну и молодежь пошла! Я потрясен. И похожа как две капли! И математику знает! На, вот тебе — «Камел», с верблюдиком.

Вадим только что вернулся из Страсбурга, где ловил не то некий ген, не то вирус, не то ген вируса. Поймал, получил деньги и теперь радостно понтовался, изображая хозяина жизни. Голубая джинса дороже среднестатистического делового костюма, классические марки сигарет, божественные английские чаи в пакетиках с неизвестными нам названиями, стопка номеров «Нэйчур» со статьей Вадима и соавторов. Картину портило лишь неистребимое Вадимово сходство с кем-то из великих одесских комиков. Южный акцент победить еще можно, но мимика непобедима.

— Ты пей чаек, пей! («Он у меня в комнате сидит и меня же еще и угощает!» — привычно возмутился про себя Стас.) Ты хоть понял, что она тебе все наврала?

— Так она наврала?

— А то!

— Почему?

— А вот с этим не ко мне. Мотивации женщин — это к психологам.

— Почему ты думаешь, что наврала?

— Да я не думаю, я знаю! Что тут думать? Сколько ей лет, твоей подружке, — семнадцать, восемнадцать? Ну пусть хоть пятнадцать. Вторая половина восьмидесятых — не клонировали тогда млекопитающих! Ни кошек, ни овец, ни девочек. Ни в Америке, ни в Европе, ни в Китае, вообще нигде. — Вадим фыркнул по-ежиному. — Вот и все.

— Но ведь могли делать это неофициально, в какой-нибудь коммерческой фирме? Методика-то простая.

— Не могли, Стас! Не могли! Методика простая — если ее на бумажке изобразить в виде фигурок и стрелочек. Так на бумажке я тебе что хочешь нарисую, хоть Господа Бога, хоть Большой Взрыв, ну и что?

— Но может быть, кто-то сильно умный опередил свое время? Бывает же такое, сам знаешь!

— Бывает. — Вадим с достоинством проглотил намек на его юношескую великую, но непризнанную работу. — Однако не у них, а у нас. И не в этом случае. Я бы знал! Если это делалось именно так, как она рассказывала, — в частной лавочке за денежку, а не в подвалах ФБР, — я бы знал. О такой-то работе, елки зеленые!.. Да если бы и в подвалах...

— Ты все публикации отслеживаешь? По всему миру? И пятнадцать лет назад отслеживал?

— Такого уровня — да. Их отслеживать не надо: если и прозеваешь, расскажут! Ты пойми, сейчас не девятнадцатый век, чтобы такие достижения пропадали безвестно. Ну, допустим, в восемьдесят пятом не заметили — заметили бы в девяностом. А уж если бы в девяностом прозевали, то сейчас, после Уилмута со товарищи, поднялся бы вселенский хай: ага, дескать, они не первые со своей овцой! Сам знаешь, нас хлебом не корми, дай поспорить о приоритетах.

— Погоди, так разве на животных этого не делали? лягушек клонировали, я читал...

— Ох, не говори мне таких ужасных вещей! лягушек! Амфибии выводятся из икры, или на химфаке этому не учат? Там имплантации нет, беременности нет, там нет проблем!

— А суррогатные матери? — Стас уже все понял, но удержаться не мог. — Они же давно...

— При чем тут это? Суррогатные матери, Стас, — Вадим стукнул пальцем по столу, — вынашивают детишек из пробирки. Нормальных детишек, полученных из яйцеклетки и сперматозоида и похожих соответственно на маму и папу... или, скажем, на маму и донора, или на папу и доноршу. Но обычных детишек, а не клонов писателей!

— Вот именно. Ты бы видел ее! — Стас отхлебнул чаю. — Абсолютное сходство. Один к одному — Мэй Стоун. Я чуть в дерево не врезался.

— Внимательней надо быть за рулем. Не на девушек смотреть, а на дорогу. Да, сходство — это бывает. У папы в Керчи был кореш — вылитый Шикльгубер, Адольф. Не повезло мужику. Усы он брил, конечно, а с волосами был полный абзац: острижется под машинку — похож, отрастит подлиннее — еще хуже... И так бывает. И как только не бывает!

— Слушай, но я своими глазами видел фэна Мэй Стоун, который ее поджидал!

— Стас, я тебя умоляю! Что ты видел? Юношу, который кого-то ждал? Кто тебе сказал, что он именно ее ждал? Она же и сказала. А ты и поверил. То же самое и с математикой: ты перед ней соловьем разливался, она кивала красивой головкой, а потом задала первый попавшийся вопрос.

— Не первый попавшийся, а очень хороший, — мрачно поправил Стас. — В самое яблочко.

Вадим усмехнулся и спросил, подмигнув:

— И что ты вообще так волнуешься? Сколько ей лет, говоришь?

— Семнадцать-восемнадцать, а что?

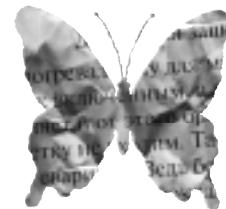
— А тебе сколько?

— Пошел ты в баню!

— Понял, иду. — Вадим изобразил обиду, но с места не тронулся. — Однако же девы нынче пошли!

— Да... И наверное, ты прав.

— Я всегда прав. Это мое имманентное свойство. Ты вот лучше журналчик возьми, — Вадим положил перед ним «Пент-

ФАНТАСТИКА

хауз», — чем ерунду всякую думать... А что это у тебя в сумке? «Третья стража», что ли, вышла?! Ну-ка, дай посмотреть!

Куда только подевалась вальняжность без пяти минут нобелевского лауреата... Ухмыляясь, Стас смотрел, как Вадим открывает гляцевую обложку, перелистывает тонкие сероватые страницы, одобрительно хмыкая и укая, потом закрывает и тут же открывает сзади, чтобы посмотреть анонсы будущих книг издательства.

— Оп-па!

Господин ученый остолбенело уставился на страницу с рекламой. Стас тоже заглянул через его плечо — и сперва не поверил глазам. Вадим уже трясся от смеха и колотил Стаса по спине в знак полного восторга, а Стас снова и снова вчитывался в короткий текст.

«СКОРО! Юлия Дмитриева. «В девятой сфере». Возрождаются лучшие традиции классической НФ. Этот роман — не продолжение и не подражание, и все-таки надежды читателей, ожидающих новой встречи с героями Глубокого Космоса, не будут обмануты». Репродукция обложки: мужик в скафандре, с несчастной физиономией, звездное небо, и в нем — подозрительно знакомый аппарат, похожий на бабочку или, как говорилось в оригинале, «на проекцию созвездия Ориона». И малюсенький, с почтовую марку, портрет авторши. Поворот в три четверти, взгляд вниз.

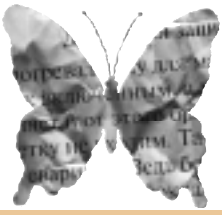
Стас уже сам хохотал, не успев даже понять, над чем смеется и что, собственно, черт побери, происходит. Оторвите мне руки и ноги, если это нарушение авторских прав: в анонсе ни слова о Мэй Стоун, возрождать традиции классической НФ — дело ненаказуемое, космическое будущее принадлежит всем писателям, его не запатентуешь, а имеет ли право молодой писатель лицом походить на классика — про это в законах ничего не сказано. Если кто здесь и нарушил авторские права и прибег к плагиату, так это фирма, создавшая клон... «Что я несусь? — опомнился Стас. — Вадим же мне объяснил, что она наврала про клон!»

— И что фантастика ей неинтересна — тоже, значит, наврала, — продолжил он. — И про мехмат наврала! А про литагентов говорила правду? Или врала? Но, главное, зачем?

— Зачем? Стас, я тебя люблю, — объявил Вадим, утирая глаза. — Подумай головой: они же не могут официально объявить, что у них, мол, контракт с клонированной Мэй Стоун. Их же на смех подымут! И заодно по судам затаскают за использование чужого имени в коммерческих целях. Значит, им нужен миф. Пи-ар — это паблик рилейшн, паблик рилейшн — это народное мнение, а народное мнение — страшная сила. Любое вранье, любая ерунда на равных правах с установленными фактами, и в суд не подашь — не на кого. Вот взять тебя. Ты кому, кроме меня, про нее рассказывал?

— Ну, тебе, Андрею, Илье. Еще одному, ты его не знаешь. Больше никому. Да кому это интересно?!

— Во! — Вадим стукнул пальцем по столу. — Рассказал всем, кому интересно, что по Москве бродит клон Мэй Стоун. А они рассказали другим. Кто-то посмеялся, кто-то поверил, но все запомнили. Да и не ты один был ее жертвой, я думаю... Пора,

ФАНТАСТИКА

пора вводить выпускной экзамен по биологии! Беспредел полный: людей с высшим образованием дурят, как первоклассников! И ведь ты-то сам книжечку купишь, когда выйдет, хотя бы из любопытства? Будешь смеяться, но я куплю!

— И я куплю, — признался Стас, поднося спичку к горелке.

Ему было смешно, но и до чертиков досадно. Вроде бы пустяк, не стоит таких эмоций, а вот досадно, хоть плачь, и никакой юмор не помогает. Девчонка насмеялась над ним, с грустным лицом рассказывала сказки, а про себя потешалась, что большой дядя всему верит. Он ее подвез, посочувствовал, напоил чаем, а мог бы мимо проехать — делать ему больше нечего, подвозить всяких соплячек... Да не в этом суть. Стыдно это — врать людям, используя их симпатию и сочувствие, вот что. Так нищие на вокзале делают, но не интеллигентные люди. Так и скажу, если вдруг встретимся. Клон она, видите ли! Бедняжечка, блин!

Но что-то еще его беспокоило, не укладывалось в голове. А Вадим молчал, но, когда вода в колбе запела тоненько, сказал:

— Ты подумай: внешне она похожа на Мэй Стоун — это полбеды, но ведь она к тому же еще и сочинительница! Я не знаю, что у нее в этих «девятых сферах», но то, что она для тебя напридумывала, — это вполне. С интригой, с подробностями — фантастика, однако. Нет, пускай она, пользуясь своим сходством, выбрала тему книги, продумала всю эту жульническую рекламную кампанию. Но сочинительский талант — он либо есть, либо нет, говорю тебе как генетик. Вот это как следует понимать? При полном внешнем сходстве еще и такая же одаренность?!

— И что по этому поводу скажет биология? — вяло отозвался Стас.

— Ты можешь злорадствовать, химик, — помолчав, заявил Вадим, — но биология в моем лице не скажет абсолютно ничего. Если вообще мы признаем это за факт — существование идентичных копий, не связанных родством.

Вадим уселся поудобнее на высоком табурете и отхлебнул чаю. Похоже, «абсолютно ничего» грозило обернуться небольшой лекцией.

— Насколько я знаю, у других видов, кроме нашего, такие факты не отмечены. Хотя насчет зверей можно спросить у лошадиников. Или, скажем, у кошатников. Но относительно двойников среди людей сведений масса. Эта твоя парочка или, куда ни шло, тот самый дядя Вова из Керчи, — кстати, я сейчас вспомнил, он работал оформителем в клубе, хотя пейзажей вроде бы не малевал. Да если вспомнить, сколько на эту тему понарассказано и понаписано, от самых низких жанров до самых высоких, то признай: ведь не на пустом же месте все это возникает, есть какая-то первооснова... Так вот, подобная идентичность в рамках биологической модели беспричинна. А если мы примем, что беспричинных явлений не бывает, то тогда мне придется говорить сейчас не как биологу. По крайней мере, не как лояльному дарвинисту-эволюционисту.

Вадим выжидательно умолк. Стас кивнул, давая другу позволение говорить не как дарвинисту. И тот сразу же продолжил:

— Что, если структура вида, стабильность генома держатся на этих копиях, как на опорных точках? Допустим, при реком-

бинации некоторые сочетания генов имеют преимущество — не спрашивай, как это может быть. Скажу неправильно, но для тебя понятно: если представить все процессы в хромосомах как химические реакции, то сочетание генов, характерное для двойников, которое воспроизводится якобы случайно, — это будет энергетический минимум. А нужно оно для того, чтобы противостоять изменчивости, — чтобы люди оставались людьми, а не превращались в суперхomo, или в таукитян, или — вторично — в обезьян. Обрати внимание, тут нет ничего от случайности: это не тупое копирование первой встречной особи, а закономерное воспроизведение некоего образца... М-да. Ты, химик, понимаешь, какую страшную ересь я сейчас несу? Все это махровый идеализм, а еще и без малого креационизм, так что, если будешь кому-то пересказывать, на меня не ссылайся. Чувешь, чем это пахнет — воспроизведение образца? Заданного кем-то, не будем уточнять кем.

Вадим выдержал еще одну паузу и вздохнул, поскольку даже на его последнюю роскошную провокацию собеседник никак не отреагировал.

— И заметь вот что: мы не можем оценить истинное значение феномена, так как нам неизвестно, сколько на свете живет похожих людей! Это если один из двоих — знаменитость, то другой еще имеет шанс узнать, что у него есть или был двойник. А если я, например, похож на какого-нибудь голландского фермера, вкалывавшего в позапрошлом веке на своей ферме в Оранжевой республике, а ты, допустим, — идентичная копия бандюги-викинга из команды Харальда Черного, и вы оба, как две капли воды, похожи на ныне живущего безработного бостонца...

Стас открыл было рот, чтобы словесно определить более вероятное местонахождение Вадимовой точной копии, но сказать не успел. Вошел аспирант Паша.

— Здравστε. Стас, а тебя тут спрашивала... — Пашка сделал паузу и многозначительно закончил: — Девушка. Симпатичная. Коса вот досюда, — повернулся и показал докуда. — Передать ничего не велела. — И скрылся за дверью.

— Интересно, — сказал Вадим ему вслед.

— Ага. Слушай, надо бы... Николай Борисыч говорил, чтобы я с ней... ну, насчет функции. Я сейчас.

Стас вышел за Пашей в коридор. Вадим расслышал его голос: «А давно?.. А что сказала?..» Хмыкнул и, вытаскивая из коробочки новый чайный пакетик, повторил сам себе:

— Интересно... Интересно, что Мэй Пинетти рассказывала о себе этому Стоуну... кто бы он ни был?

